ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (*Продолжение*)[1]

К.М. фон Штернберг

Когда в 1778 году разразилась небольшая война с Пруссией[2], во мне тоже взыграл военный дух. Самый старший из моих братьев отличился и был с почетом отмечен в «Армейском бюллетене». Вскоре после этого мой другой старший брат в качестве адъютанта фельдмаршала Лаудона[3] удостоился открытой похвалы этого достойного ветерана. Возбужденный этим, я попытался склонить родителей обменять мое черное платье на белое. Исполненные разума и доброты, они призвали меня к спокойствию до тех пор, пока политические события не примут более ясный оборот. Последовало заключение мира в Тешне, оба мои брата вернулись домой, не продвинувшись по службе ни на шаг вперед, военное возбуждение унялось. Мой брат Иоганн, мнению которого я очень доверял, объяснил мне, что если я хочу должным образом использовать свои способности, мне будет легче подняться к более высоким званиям по церковной стезе. И создать себе полезный и подобающий круг деятельности, которого часто и надолго лишается офицер, ограниченный в мирное время муштровкой рекрутов и направленный в венгерскую деревню, где нет достойного общества.

Это настроило меня исполнить желание родителей и отправиться изучать теологию в Риме, в тамошней Германской коллегии. Я подготовился к государственному экзамену в Пражском университете, который сдал хорошо, получил конфирмацию и малую хиротонию и поехал в Вену к моему дяде, министру графу Леопольду Коловрату, брату моей матери, который взялся отвезти меня в Рим. Дядя решил послать меня в Рим вместе с вновь назначенным аудитором Трибунала Римской Роты[4] графом Зальмом, настоятелем собора в Зальцбурге. Отъезд задерживался, что дало мне время поближе узнать Вену. Я познакомился с различиями в теологических учениях в Вене и Риме и достал учебники, предписанные в Венском университете, чтобы более точно узнать эту разницу. Перед моим отъездом мой дядя счел необходимым отвести меня на аудиенцию к императрице. Она приняла меня благосклонно и сказала: «Он сейчас едет в Рим в немецкую коллегию, чтобы подготовиться к духовному званию. Однако он не должен думать, что обязан из-за этого стать духовным лицом, если у него нет к тому внутреннего призвания. Когда он чему-то научится, то сможет начать свою карьеру и в другом сословии». Это всемилостивейшее высказывание было мне очень приятно, ибо я, собственно, еще не имел ясного представления о том, как мне найти свой род занятий.

К началу декабря 1779 года мы покинули Вену. Прекрасные города Италии, в которых мы провели по нескольку дней, произвели на меня глубокое впечатление; недостаток знаний о людях, которые я не мог приобрести в узком кругу отчего дома, сделали меня робким и застенчивым в обществе. 23 декабря мы прибыли в Рим.

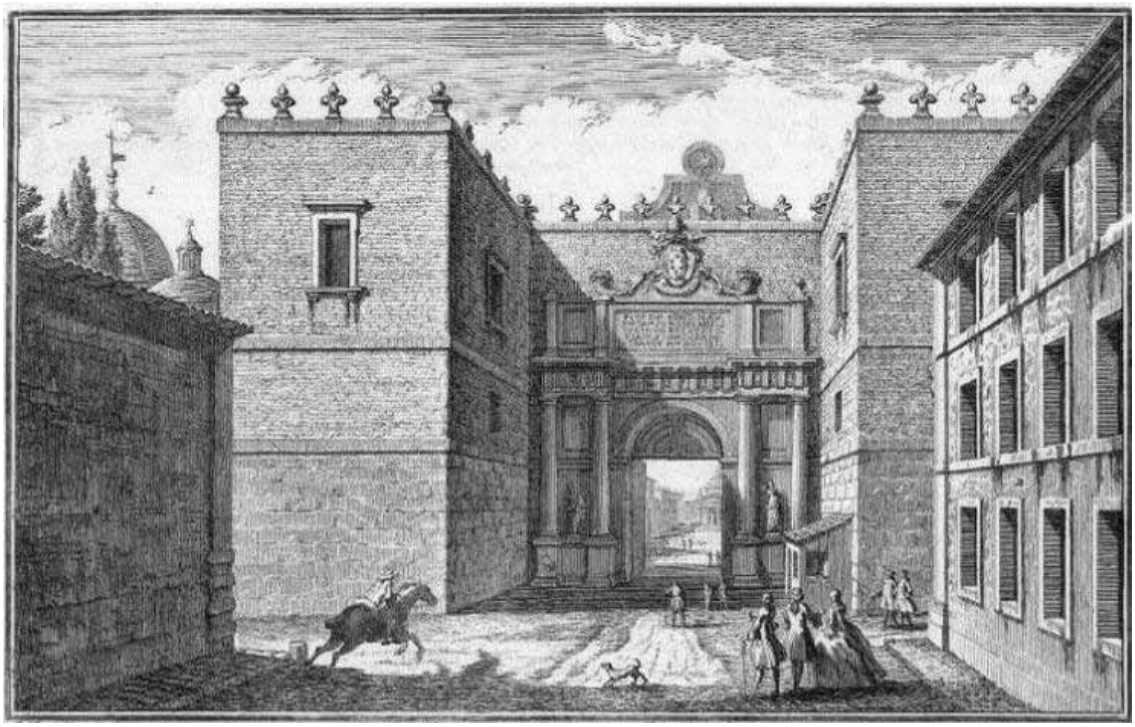
---

[1] Начало см. в: Lethaea rossica. Т. 7. С. 59–63.

[2] Имеется в виду война за Баварское наследство (1778–1779) между Австрийской империей Габсбургов и Пруссией, начавшаяся после занятия войсками австрийского императора Иосифа II ряда областей Баварии. Возникшей ситуацией воспользовался прусский король Фридрих II, получивший долгожданную возможность выступить в роли защитника и объединителя германских князей. Противники опасались друг друга, поэтому военные действия свелись к взаимному маневрированию, занятию стратегически важных территорий и небольшим кавалерийским стычкам.

[3] *Гедеон Эрнст фон Лаудон* (1717–1790) – австрийский полководец, фельдмаршал. Во время войны за Баварское наследство командовал отдельной армией, действовавшей в Богемии против войск принца Генриха Прусского.

[4] Член высшей инстанции апелляционного трибунала Римско-католической церкви.



Porta del Popolo в Риме

Духовный наставник (geistlicher Vorsteher) из Коллегии ожидал меня у Porta del Popolo[5] и отвел в Коллегию, где я был представлен ее Президенту, а затем довел до комнаты, где жили все принятые в этом году.

На следующее утро мне была представлена формула клятвы, в соответствии с которой я должен был дать обязательство стать духовным лицом и по окончании Коллегии ехать прямой дорогой назад, не проводя даже одну ночь вне ее стен в Риме. А также не ехать через Неаполь. Это показалось мне удивительным и неудобным: но я подумал, что, находясь так близко к Папе, не должно быть слишком уж сложно получить соответствующее разрешение. Я дал клятву, будучи уверен, что ее не придется исполнять, как это и получилось в действительности.

Мне было трудно привыкнуть к новому образу жизни; но в обществе многих молодых людей все переносится легче. Нас было 70 молодых теологов, от 10 до 12 на огромный зал, окна находились так высоко, что нужно было подниматься по множеству лестниц, чтобы достичь их и затем не увидеть ничего более, чем крыши домов и Piazza Navona[6], где по воскресеньям в одно и то же время на одном углу проповедовал капуцин, а в другом Pulcinella[7] в кукольном балаганчике развлекал зевак. Наши профессора были доминиканцами из Монастыря della Minerva[8]: тот, кто читал каноническое право, был по-настоящему образованным профессором, чьи лекции на прекрасной цицероновой латыни восхищали всех нас, трое других были весьма посредственными людьми. В обычные дни по вечерам мы гуляли по улицам и церквам, неизменно всей комнатой и в сопровождении духовного наставника, который жил вместе с нами. По воскресеньям и праздничным дням мы посещали дворцы, чтобы осматривать галереи или древности, а по четвергам при хорошей погоде – наш виноградник рядом с Виллой Боргезе.

Каждый восьмой день два воспитанника должны были устраивать диспут под руководством профессора. Когда до меня впервые дошла очередь оппонировать, самолюбие подтол-

[5] Ворота в Риме, от которых начиналась древняя Фламиниева дорога (другое название – Porta Flaminia, т.е. Фламиниевы ворота). Во времена, о которых пишет К.М. фон Штернберг, они ограничивали с севера одноименную площадь в историческом центре Рима (Piazza del Popolo).

[6] Площадь Навона – одна из архитектурных достопримечательностей Рима. Построена в XV столетии в стиле барокко на месте античного стадиона императора Домициана. Имеет очертания прямоугольника, вытянутого с юга на север.

[7] Пульчинелла (фр. Полишинель) – персонаж французского народного театра; веселый насмешник, задира, болтун.

[8] Минервы.

Piazza Navona в Риме

кнуло меня попытаться блеснуть. Я отложил в сторону работы профессора, извлек аргументы из книг, которые привез из Вены, и уже заранее ликовал, как приведу в смущение защищающегося. И это действительно произошло, только радость моя от победы длилась недолго: ибо теперь на меня набросился в очень злобном тоне сам профессор и едва не объявил еретиком. И свое негодование он дал мне почувствовать на первом же экзамене; ибо хотя я ответил очень правильно, он поставил мне лишь «второй разряд», в то время как от остальных трех профессоров я получил «первый». С этого момента я завладел местом у кафедры, где этот профессор не мог меня видеть, и, полагаясь лишь на свою память, не записал больше ни строчки из того, что диктовал профессор церковного права Христианопуло.

Теперь я искал способы и возможности достойно использовать время иным образом. Одним из моих товарищей по комнате был юнкер фон Бальтазар из Люцерна, чей старший брат жил в городе и каждое воскресенье приходил в комнату для свиданий, чтобы посетить брата. Благодаря этому я достал книги, которые могли служить мне в качестве путеводных нитей в мире искусства и древностей. Он принес мне книга за книгой собрание трудов Винкельмана[9], которое я в свободные часы усердно изучал; и пока профессор скучно тянул о Tractat de gratia[10], я листал позади кафедры Павсания[11] и других цитируемых Винкельманом авторов, которые были в библиотеке Коллегии. Правда, меня подслушали, предали и выдали нашему наставнику. Но поскольку благодаря своей счастливой памяти я в течение четырех недель так сумел все понять и запомнить по чужим тетрадям, что на экзамене был четвертым среди лучших, меня в конце концов оставили в покое.

Совместная жизнь с многими людьми одного возраста из всех областей Германии и Швейцарии, венгерских земель и Трансильвании, наряду с итальянцами, которые нас окружали, позволила мне узнать людей ближе и не всегда с лучшей стороны. Я замкнулся и тем выиграл время, чтобы больше заниматься науками, как я к тому привык при моем изолированном воспитании в отцовском доме. Среди книг, которые тайком пронес в Коллегию юнкер фон Бальтазар, – ибо немецкие книги были контрабандой, – находились и «Страдания молодого Вертера» Гёте; я мог читать их безопасным образом только по четвергам, когда мы питались в нашем винограднике и могли рассеяться, как нам вздумает-

[9] *Иоганн Иоахим Винкельман* (1717–1768) – выдающийся немецкий искусствовед, основоположник научного изучения античного искусства и археологии.

[10] Трактат о благости Божией (*лат.*).

[11] Имеется в виду известный труд «Описание Эллады» Павсания – древнегреческого писателя и географа, жившего во второй половине II века.

ся, по большой территории. Чтобы не оказаться жертвой предательства, я залезал на покрытый густыми ветвями кипарис и заливался слезами, пока цикады рядом со мной оглашали пением самые жаркие часы дня.

Хотя до нас доходило очень мало из того, что происходило в окружающем мире, поскольку мы не получали газет, кроме «Diario di Roma»[12], мы все же получали письма и разговаривали по воскресеньям со знакомыми из города. И такие события, как смерть императрицы Марии Терезии, быстрое восхождение на трон и реформы императора Иосифа, поездка Пия VI в Вену, не могли оставаться тайной. В Коллегии многие были недовольны, особенно вторым наставником, которого прозвали «министром», бывшим корсиканским иезуитом, который в каждой комнате вырастил себе среди учащихся по шпиону, чтобы узнавать о всякой контрабанде из пронесенных предметов, еды и пр.; и вызывал тем самым много придирок. Сами духовные наставники, которые жили вместе с нами, – их называли «префектами», – возбуждали нас против него. Австрийские подданные составляли большинство в Коллегии; они ближе сошлись друг с другом, чтобы образовать оппозицию. Когда же в Риме узнали, что Папа вернулся с незначительными уступками, самые горячие головы закружились, особенно у венгров и уроженцев Трансильвании, и внутренняя дисциплина постепенно ослабла. Наш «президент», ученый каноник из Фано и светлая голова, избрал самый мудрый путь, чтобы снова восстановить порядок. Он не одобрил действий «министра», постарался перетянуть на свою сторону лучшие головы, смягчил их взгляды и сделал представление кардиналу Кассали о необходимости другого обращения с нами; но только «министр» донес на него кардиналу уже как на главаря непослушных. С этим делом решили бороться силой: опасным средством, которое обычно лишь возбуждает молодежь и вызывает еще большие глупости. Кардинал сам явился в Коллегию, чтобы устроить нам головомойку и пригрозить папским наказанием. Его освистали, большинство покинуло зал, и он остался один в окружении креатур «министра». Тогда попытались воздействовать на нас через императорского посланника, кардинала Херцана (Heržan): ему одному в своей двойной роли – посланника и кардинала – удалось выйти сухим из воды, не сделав ни одного шага в этом направлении. Из этого затруднительного положения вышли, наконец, следующим образом: в одну ночь «президент» и «министр» были удалены из Коллегии, а утром папский прелат в качестве нового «президента» рядом с новым «министром» стояли перед нами и читали отеческий призыв папы к спокойствию и единодушию.

Я использовал этот вид перемирия, чтобы испросить для себя отдельную жилую комнату, что, кроме случаев болезни, обычно не разрешалось; но теперь я ее получил, поскольку очень хотели расколоть товарищества, которые образовались, а меня в оппозиции причисляли к «умеренным». Теперь у меня было больше свободного времени, чтобы учиться для себя, и с пятью другими, самыми усердными из моих соучеников, я основал литературное общество, которое собиралось у меня раз в неделю, чтобы прочитать и обсудить небольшие сочинения о научных, не теологических предметах. Разумеется, это не были слишком утонченные работы; они все же давали доказательство того, что мы стремились к самообразованию.

Во время этих событий мой дядя, граф Адам Штернберг, был в Риме и в точности рассказал мне обо всем, что происходило на родине. Он сообщил, что при установленных императором Иосифом правилах имперские подданные, по-видимому, не долго смогут оставаться в Риме, и настраивал меня на спокойствие и на то, чтобы использовать остающееся время пребывания в Риме для подробного осмотра его достопримечательностей. Те же поучения содержали и письма моего самого старшего брата Иоганна; я преданно последовал им.

Весной 1782 года появился эдикт императора Иосифа, в соответствии с которым у Германской коллегии в Риме отбирались все привилегии, которыми она обладала в Миланской области. Одновременно были отозваны все австрийские подданные, и им было дано распоряжение явиться во вновь созданную коллегию в Павии, чтобы там закончить обучение. Мне оставалось учиться еще один год, но я очень хорошо понимал, что моя римская теология будет мало мне зачтена в Павии, где яростно защищались совсем другие основоположения. Я не имел никакого особого желания переходить от одной крайности к другой, поскольку истина лежит обычно посередине. Поэтому я решил устроить открытый диспут в области Jus canonicum[13], которое самостоятельно изучил с упорством и желанием, и получить аттестат как Theologus absolutus[14]. Это произошло в

[12] Дневник Рима (*итал.*).

[13] Каноническое право (*лат.*).

[14] Безусловный теолог (*лат.*) – в римско-католической церкви богослов с дипломом об окончании духовного учебного заведения.

июне месяце 1782 года с блестящим успехом. Аттестат был выдан, легализован в Вене, и я получил от родителей разрешение остаться еще на год в Италии. Теперь мне не оставалось ничего срочного, кроме как получить папское освобождение от моей клятвы (которое мне также без каких-либо трудностей было выдано) и поехать в Неаполь, где мои родители рекомендовали меня духовнику королевы, епископу Гюртлеру.

В июле 1782 года я прибыл в Неаполь, где прожил в качестве imberbis juvenis, tandem custode remoto[15] три месяца – самые счастливые дни моей жизни. Мягкий воздух и впервые увиденное море, чистое небо и ясные лунные ночи на Strada di Chiaja[16] или у Posilippus на морском берегу, величественные картины природы на курящемся и светящемся Везувии, благородные останки древности в Геркулануме, Пэстуме, Байе и т.д. привели меня в продолжительное лихорадочное восхищение. Благое небо открыло мне смысл красот природы и искусства, мое юношеское воображение охватило их с такой теплотой и живостью, что еще сегодня, через 50 лет, эти картины встают перед взором, волнуя чувства. Вечная сутолока на улице Толедо или вечера на Моло, удивительный народец шумных Lazzaroni[17], опера в Сан-Карло[18] и Полишинель в постановке Сан-Карлино[19], музыкальные академии консерваторий Strada di Chiaja по вечерам – двадцати четырех часов не хватит, чтобы насладиться всем, что каждый день предлагал молодому человеку, который еще мало знал мир и 30 месяцев прожил почти как в монастыре в Германской коллегии. Благодаря знакомству с молодым маркизом Гонзага я стал вхож в музыкальные круги, где получил возможность услышать самых знаменитых певцов и певиц того времени и двух замечательных исполнительниц на педальной арфе, синьору Матильду Перрини и донну Бригиду Огнибене, которые восхитили меня выше всяких пределов. В любые часы дня и ночи, когда неаполитанцы не выходят из дома без оружия, я весело, с юношеским легкомыслием проходил по улицам среди спавших под открытым небом Lazzaroni до ступеней королевского дворца, где жил, так что со мной ни разу не

Lazzaroni

произошел даже малейший неприятный случай. Очень скоро я выучил язык этого народа, иногда дарил им мелочь; так что мы находились в хороших отношениях. Этот народец, который во время революции был уничтожен почти полностью, отличался большим своеобразием. Он любил святого Януария и своего короля Фердинанда, но не знал никаких законов и меньше всего – полицейский закон. Бедный и грубый, он не считал запрещенной кражу предметов, в которых нуждался для своих ограниченных потребностей. Но любое доверенное ему добро, сколько бы оно ни стоило, он переносил честно и без повреждений, куда бы его с ним не посылали. Они были слугами всего города и жили с этих доходов. Доминиканский монах, обычно называемый «отец Пеппо», был единственным лицом, чьим приказам они повиновались; он постоянно ходил среди них с довольно большим распятием, обитым медью, и использовал его как оружие, когда они не хотели ему повиноваться. Когда король захотел ввести уличное освещение, Lazzaroni разбили все фонари, и полиция обратилась к «отцу Пеппо». Тот купил множество изваяний святого Януария и Пресвятой Богородицы, вбил их в землю своим распятием на углах улиц, а затем пришел вечером снова и принес фонари, которые укрепил под изваяниями. Эти фонари были признаны и с тех пор так и освещают улицы.

При всей юношеской упоенности на лоне природы и в свободном движении мирской жизни я все же не упускал случая обращать внима-

[15] Несовершеннолетнего юноши, наконец вышедшего из-под опеки (*лат.*).

[16] Улица в Неаполе.

[17] В XVII столетии так называли нищих босяков, городскую бедноту, формировавшуюся из деклассированных элементов.

[18] Имеется в виду Театр Сан-Карло в Неаполе (Real Teatro di San Carlo) – один из старейших оперных театров в Европе.

[19] Один из римских кукольных театров.

Неаполитанский залив с видом на Везувий

ние на все, имеющее ценность для глаз и ума. Я познакомился с английским посланником Гамильтоном, которого неаполитанцы называли «акушером Везувия», так как он мог довольно точно объявить за несколько дней о его извержении; и поднимался затем на этот удивительный вулкан, но не обращая внимания ни здесь, ни где-то еще на историю природы, о которой у меня еще не было никаких собственных знаний. Я посещал также королевские замки Касерта и Портичи. В последнем я занимал комнату, из которой по утрам, сидя на кровати, видел из одного окна курящийся Везувий, из другого – море, покрытое бесчисленными белыми парусами рыбацких лодок; стремление насладиться этим зрелищем пробуждало меня обычно уже с первыми лучами солнца. В большой свет я выходил редко, поскольку вообще находил мало удовольствия в скоплении множества незнакомых людей и обладал еще меньше способностью проявлять себя там. В более узких семейных кругах, куда я нашел доступ, я чувствовал себя уютнее; и поскольку я был жизнерадостным и веселым собеседником, меня охотно принимали. В конце сентября 1782 года я поехал через Монте Кассино обратно в Рим, где я нашел теплый прием в доме аудитора Римской Роты графа Зальма.

Множество иностранцев, особенно англичан, жило тогда, как обычно, в Риме; я сблизился с ними, чтобы еще раз посетить достопримечательности этой классической страны. Через них я вступил в контакт с деятелями и друзьями искусства: Райфштайном, Анжеликой Кауфман, Баттони, Мароном, Триппелем, Кунего, Пиранези и Швендиманом. С некоторыми из них я уже был знаком раньше. Под руководством таких людей я за три месяца научился лучше видеть, чем мне это удавалось раньше при гораздо больших усилиях. С помощью самообразования можно коечему научиться; но хорошее руководство экономит много сил и времени и таким образом можно многого добиться. На раутах у кардинала Берниса я появлялся иногда, чтобы посмотреть на большой свет, который там собирался. Однако большинство вечеров я проводил у маркизы Спарапаньи Боккападули, с маркизом Вери (автором биографии Сапфо[20]) и некоторыми иностранцами, или у графини Албани, урожденной герцогини Штольберг, с графом Альфиери[21] и знаменитым скрипачом Пугнани. У первой из них всегда был накрыт ужин на восемь персон; было ли больше или меньше гостей в наличии; она не была ни молодой, ни красивой, но чрез

[20] Древнегреческая поэтесса.

[21] *Витторио Альфиери* (1749–1803) – известный итальянский драматург, поэт, писатель, переводчик античных авторов, перу которого принадлежит также ряд политических и дидактических сочинений.

Витторио Альфиери

вычайно богатой духовно, говорила живо и умно, так что у нее охотно проводили время; однако когда било час ночи, граф Вери, ее Cavalieri servente[22], зажигал восковую свечу, и они направлялись в постель, не прерывая продолжавшейся беседы.

Трагедии графа Альфиери, открывшие новый путь для итальянского театра, вызывали тогда всеобщее возбуждение. Его «Антигона» впервые была поставлена в частном кругу у князя Цагаролы; в ней играл сам Альфиери: вещь была поднята преимущественно за счет игры княгини Цагаролы и Вери и вызвала самые громкие рукоплескания. В то же самое время впервые вступил на сцену также Марчези в Paulo Emilio[23]. Голос его пришелся вначале не совсем по вкусу классическому уху жителей Рима, однако его искусство вызвало громкие аплодисменты, которые уже на третьем представлении перешли в бурный энтузиазм.

Я хотел остаться в Риме до марта месяца 1783 года и затем ехать домой через Геную, Турин и Швейцарию. Однако к большому моему разочарованию я получил на рождественских днях письмо от доверенного лица моих родителей в Регенсбурге. В нем сообщалось, что настоятель собора умер, подошла моя очередь вступить в капитул; а потому я должен ехать туда. Как бы ни могло показаться мне приятным независимое существование, все же оно было для меня на тот момент неудобным и привело в большое смущение. Я еще ни разу не ездил один; не имел экипажа, в рождественские праздники не было в обычае что-то покупать и т.д. Следствием было то, что я все же сторговал за большие деньги кажущуюся новой двухместную повозку, на которой на третий день праздников выехал из Рима с не большим количеством денег, чем было необходимо, чтобы только добраться до Регенсбурга. Погода была плохая, реки вздулись; когда на реке Радикофани мой экипаж слишком быстро и неуклюже въехал в поток, эта прекрасная колесница развалилась на части. Тут же из ближайшего постоялого двора пришли на помощь люди, которые с большим шумом и усилиями вытащили экипаж из воды и втянули на постоялый двор. Там его снова кое-как собрали, так что он смог проехать еще до Флоренции, и позволили заплатить себе за это ничтожную плату. Во Флоренции нужно было как-то достать новый экипаж; поэтому на почте был сделан обмен и заплачены еще 15 дукатов, из-за чего мои финансы пришли в расстройство. Все же вслед за тем я ехал день и ночь вперед, давая хорошие чаевые, чтобы быстрее продвигаться дальше, и добрался до Мантуи. Когда на месте я осмотрел свой кошелек, в нем нашлись еще 3 дуката и немного разменной монеты, а я не знал в этом городе ни души. Случай заслуживал размышлений; но молодость редко смущается и довольно дерзка; я нанял временного слугу, осмотрел достопримечательности города и осведомился о банкире, который имеет дела с Веной. Мне назвали одного еврея, господина Мозеса Кульма – его честное имя заслуживает упоминания. Я позволил отвести меня к нему, спросил, не состоит ли он в деловых отношениях с банкирским домом Фриз, и поскольку он ответил утвердительно, изложил ему свои обстоятельства и попросил денег для продолжения поездки, которые возмещу ему впоследствии через Фриза в Вене. Он посмотрел мне в глаза и сказал: «Сколько угодно, если только Вы докажете, что являетесь тем лицом, за которое себя выдаете». Но когда среди других рекомендательных писем в моем бумажнике я дал прочесть ему то, которое дал мне императорский посол, кардинал граф Херцан для епископа Регенсбурга, Мозес сделал глубокий поклон, открыл кассу, я написал вексель, и все трудности были устранены. Я поел с аппетитом, появились почтовые лошади, и 5 января 1783 года ночью я прибыл в Регенсбург.

[22] Преданный рыцарь (*итал.*).

[23] «Эмилий Павел» (*итал.*) – трагедия В.Альфиери о судьбе римского полководца, погибшего в битве с Ганнибалом при Каннах.

Собор в Регенсбурге

6 января утром я явился в капитул к декану собора графу Турну. Он спросил, сколько мне лет.

– Сегодня исполнилось 22 года.

– Ах, тогда вы могли бы спокойно еще полгода оставаться в прекрасной Италии. Ибо до полных 24 лет и первой так называемой «строгой резиденции» никто не может войти в капитул, даже если очередь остановилась на нем. Тот, кто по очереди следует за ним и достиг этого возраста, вступает на его место.

Я был уничтожен; не хватало немногого, чтобы я разразился слезами. Граф Турн, изящный светский человек, заметил борьбу моих чувств и сказал: «Коль скоро вы теперь уже находитесь у нас, вы не можете сделать ничего лучшего, чем остаться и отбыть первую «резиденцию» из 9 месяцев, чтобы, по крайней мере, быть снабженным всем необходимым для следующего случая. Он не заставит долго себя ждать, ибо среди нас много старых и дряхлых членов. Я позабочусь обо всем и представлю вас сегодня вечером здешнему обществу». Я вернулся на постоялый двор полный разочарования. Тысячи ощущений пересекались в моей душе. Часто лишь физический человек помогает моральному успокоиться, и все мои чувства пересилил долго откладывавшийся во время моей глупой поездки сон. Я бросился на кровать, и сознание отключилось.

Вечером в 7 часов граф Турн заехал за мной и привез меня к главному комиссару, князю фон Турн унд Таксис, у которого собралось все общество Рейхстага. Я увидел множество людей с невыразительными лицами, увешанных звездами и орденскими лентами, которые прохаживались, пока постепенно не распределились по игорным столам. Сделав свои сто поклонов для знакомства, я удалился и поехал домой с впечатлением, что никогда не проводил более печально праздник Рождества.

Мои родители одобрили план декана собора; была начата «резиденция», и тем самым – вторая эпоха моей жизни. До сих пор она делилась между учебой и удовольствиями; теперь же я должен был вступать в отношения и появляться среди множества посланников на политической сцене. Это сделало меня застенчивым. Прежде всего, я стремился точнее изучить мое новое положение и окружение. Капитул собора, в который я должен был когда-нибудь вступить, состоял из неравных частей, и как я очень скоро узнал, делился на две довольно резко противостоящие друг другу партии. Рейхстаг в тех жестких формах, какие придал ему Вестфальский мир[24], но уже со сформировавшимися суверенными правами абсолютных монархий[25], был, собственно говоря, бездеятельным и также состоял из двух партий, Corpus Evangelicorum et Catholicorum[26], или собственно Пруссии и Австрии, как глав обеих религиозных партий. То, что в столь резко разде-

[24] С XII столетия Рейхстаг представлял собой орган сословного представительства при императоре Священной Римской империи германской нации. По условиям Вестфальского мира, закрепившего поражение Священной Римской империи в Тридцатилетней войне (1618–1638 гг.), Рейхстаг превратился в безвластный, во многом декоративный орган, состоявший из представителей германских духовных и светских князей, самостоятельно управлявших своими землями. Во внешнеполитической области эти мелкие государства имели право заключать союзы между собой и с иностранными державами, которые, однако, не могли быть направлены против императора. При этом у князей было изъято право выбора религии для своих земель. Лютеранство наряду с католицизмом оставалось официальным вероисповеданием. Последнее обстоятельство вызывало определенные трения между членами Рейхстага, представлявшими протестантские и католические княжества. Католическую партию в Рейхстаге поддерживала Австрия, протестантскую – Пруссия.

[25] Имеются в виду права отдельных германских княжеств, как светских, так и духовных, т.е. управлявшихся князьями-епископами.

[26] Протестантской и католической.

ленном сообществе недостаток настоящих дел превращал разговоры в дело, которым усердно занимались, и которое выдумывалось, – ut aliquid fecisse videamur…[27], – даже если возникали поводы для трений и непонимания, было легко понять. Но все же незначительность моего положения смотрителя соборных подвалов (Domicellar) казалась мне надежной защитой, по меньшей мере, на первое время, а утраквистский способ действия[28] – надежнейшим средством уйти от любых подозрений в склонности к той или этой точке зрения; но в этом я сильно ошибался. Дом богемского посланника, графа Траутмансдорфа, и таковой посланника саксонского, графа Хоэнталя, были тогда местами, где собиралось самое приятное общество и которые я также в основном посещал. Приученный заниматься каким-либо делом, я попытался делать это и здесь. И поскольку в канцелярии капитула, где я начал свою деятельность, происходили лишь самые обыденные вещи, а мое желание получить допуск в архив, чтобы познакомиться с древней историей капитула, не было удовлетворено, я пришел к мысли набить себе руку в делах, которыми занимался Рейхстаг (Reichspraxis). Ибо я увидел некоторых соборных господ, представлявших в качестве посланников только лишь их епископов. Мне посоветовали заняться этим у ольденбургского советника канцелярии Гёлера, чья ученость была признанной. Но одна эта сухая работа была мне не совсем по сердцу, как бы сильно ни восхищался я Пюттером[29], Мозером[30] и компанией. И поскольку я заметил в библиотеке советника много работ по искусству и древностям, как и по естественной истории, я пытался всякий раз завести разговор об этом. Это всегда имело результатом то, что он приносил какой-нибудь из этих трудов, который я затем брал домой и изучал; и эти часы обеспечили меня пусть и не практикой делопроизводства Рейхстага, но все же некоторыми другими инструкциями. Из людей, с которыми я познакомился при этом первом своем пребывании в Регенсбурге, меня привлекал к себе главным образом барон Гляйхен – своими обширными знаниями и оригинальностью. Он объездил всю Европу, был датским посланником в Неаполе, Мадриде и Париже, а теперь вел частную жизнь в Регенсбурге в собственном доме, который называл «своим канапе»; он имел изысканную кухню и винный подвал, причем часто угощал ученых людей из всех сословий и иностранцев.

Ничто не оказывало большего возбуждающего влияния на молодого, жадного до знаний человека, чем тайна! В Регенсбурге существовала франкмасонская ложа. Я соприкасался со многими ее членами. Филантропические взгляды, которые они высказывали, и тайна, которую они соблюдали относительно ордена, не давали мне покоя. Я выразил желание быть принятым в ложу. Это не встретило каких-либо возражений. Но когда мне предложили формулу клятвы, я нашел ее столь унизительной, что отказался произнести это заклинание. Я был отведен испуганными «братьями» обратно в темную комнату. Довольно долго велись дебаты и переговоры; но когда я заявил, что не желаю какой-либо дальнейшей связи с обществом, которое не считает честное слово и рукопожатие достаточным поручительством, тогда я был, наконец, освобожден от клятвы и церемония закончилась. Регенсбургская ложа старошотландской конституции была невинна и добродетельна, и тайны, которые она доверяла, не нуждались, в действительности, в том, чтобы быть защищенными серьезной клятвой.

В октябре 1783 года я вернулся наконец к моим родителям, которых не видел четыре года. Мы стали снова вести привычный образ жизни, с той только разницей, что новые книги заняли место прежних, и мне оставалось больше свободных часов для своих занятий. И когда в отечестве многие французские сочинения того времени оказались под запретом, в библиотеку моей матери все же проникли пьесы Вольтера, «Дух законов» и «Персидские письма» Монтескье, некоторые новые немецкие труды. Они читались наряду с прежними Расином, Мольером, Буало и др.

На карнавал 1784 года я поехал в Прагу. Здесь я снова встретил друзей своей юности, которые теперь, как и я, вышли в свет. Моя кузина Луиза Штернберг, которую я знал в том возрасте, когда за ней присматривала гувернантка, в обществе встретилась мне как остроумная девушка, очень мне понравившаяся. Многое изменилось за время моего отсутствия. Много говорили о новом правлении императора Иосифа, вызвавшем общий переворот образа мыслей; меня же очень привлекал карнавал, поскольку политических разговоров было с меня достаточно. Вскоре я вернулся за город к моим родителям.

(*Продолжение следует*)

[27] Мы, кажется, сделали все, чтобы… (*лат.*).

[28] К.М. фон Штернберг, по-видимому, имеет в виду линию политического поведения, стремящуюся не затрагивать, а где возможно – примирять противоречия обеих партий.

[29] *Иоганн Стефан Пюттер* (1725–1805) – известный немецкий государствовед, профессор Гёттингенского университета.

[30] *Иоганн Якоб Мозер* (1701–1785) – выдающийся немецкий юрист, профессор Тюбингенского университета.